

нами и арабами на дороге, по которой, они знали, мы должны проходить, и намерены сделать нападение. Мы сначала не поверили этому известию, но потом убедились в его справедливости. Недалеко от Бейрута, милях в пяти, дорога шла вдоль самого морского берега; она была неизбежна для всех, кто шел по этому направлению, и слишком узка для прохода армии. Если бы неприятель утвердился в этом проходе заранее, то 100 тысяч человек не могли бы им овладеть; между тем достаточно было сотни или 70 человек, хорошо вооруженных, для охраны этого прохода. В этом-то месте и падеались неверные остановить нас и перерезать всех. Когда лазутчики, идшие вперед, приблизились к этому проходу, они заметили большое число турок, отделившихся от своих; последние выступили на нас и поджидали нашего прибытия. Видя это, лазутчики, заметившие, что позади этих язычников скрывается гораздо более многочисленное войско, отправили вестника дать знать Балдуину о всем прошедшем. Балдуин, узнав о том, построил отряд в боевой порядок по всем правилам искусства, разделил его на несколько линий, и мы двинулись на неприятеля с распущенными знаменами, но тихим шагом. Видя, что скоро начнется битва, мы, не переставая идти, с умилением

сердца и благоговейно просили помощи Всевышнего. Передовой отряд неверных немедленно завязал бой с нашей первой линией; многие пали с их стороны, и у нас было убито четверо. Битва скоро прекратилась; мы совещались и определили расположиться лагерем, как можно ближе к неприятелю, чтобы он не подумал, что мы струсим или готовимся к бегству. Так мы говорили это, но думали иначе; мы показывали вид, что не боимся, но на деле опасались смерти. Отступить было трудно; идти вперед еще труднее; неприятель обступил нас со всех сторон: и с кораблей, и с вершин гор. В этот день у нас ни люди, ни животные не видели ни пищи, ни покоя. Что касается меня, то я предпочел бы в это время быть в Шартре или Орлеане, нежели в том месте. Всю ночь мы не смыкали глаз и оставались вне палаток, удрученные печалью. На рассвете, когда заря пачала разгонять мрак, мы держали совет, чтобы решить, заботиться ли нам еще о жизни или прямо умереть. Положено было спать палатки и идти назад, пустив перед собой вьючных животных с нашей поклажей и погонщиков; вооруженные люди должны были следовать за ними и защищать их от нападения сарацин. Действительно, сарацины, заметив с утра, что мы отступаем, спустились по-

---

бытия, которого он был очевидцем, без того, чтобы в то же время не сообщить тех впечатлений, которые оно производило на его дух; и радость, и боязнь, и печаль, даже мечты – все это он высказывает с откровенностью, которая заставляет иногда улыбнуться, но зато служит ручательством истинности рассказа. Фулькерий редко обращается к прошедшему времени; занятый своими мыслями и окружающими предметами, он, по видимому, не имеет времени заняться чем-нибудь другим: впечатления действительности поглощают, так сказать, все способности его ума; если в нем остаются какие-нибудь воспоминания, то это из одного Священного Писания и священных преданий, на которые ему указывали беспрестанно различные события и места, которые он предпринял описать».

Издания: первый, кто издал его манускрипт, был *Bongars* (*Gesta Dei per Francos*, I, 381–440) в начале XVII в.; но это манускрипт был неполный и останавливался уже на 1124 г.; *Duchesne* нашел лучший манускрипт, продолжавшийся до 1127 г., и издал его в своем сборнике «*Historiae Francorum scriptores coaetanei etc.*» (Par., 1636–1649, т. IV, 816–889). Наконец, *Martene* открыл в Сен-Жермене третий манускрипт, в котором находился и пролог, и издал полный текст хроники Фулькерия под заглавием «*Деяния франкских пилигримов, отправившихся на завоевание Иерусалима*» в своем сборнике «*Thesaurus anecdotorum novus etc.*» (Par., 1717, т. I, 364 с.). Переводы: франц. у *Guizot*. *Collect des mem. etc.* Par., 1825, т. XXIV.